

Г. С. КНАБЕ

(КУРСК)

ОБ ОТМИРАНИИ ЭЛЕМЕНТОВ СТАРОГО КАЧЕСТВА
ПРИ РАЗВИТИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА

1. Постановка вопроса

Сформулированное И. В. Сталиным положение о развитии языка «...путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества»¹, неоднократно подчеркнутое им в труде «Марксизм и вопросы языкознания», является одним из центральных в сталинском учении о языке.

Эти процессы — постепенного накопления элементов нового качества и постепенного отмирания элементов старого качества — теснейшим образом взаимосвязаны, образуют диалектическое единство и именно в своей совокупности характеризуют структуру языка в данном ее состоянии. Ясно, например, что становление ныне действующей системы времен русского глагола предполагало распадение и отмирание старой системы глагольных времен, характерной для древних периодов развития нашего языка, и было теснейшим образом с ним связано. Но в то же время не менее ясно и то, что это — два отдельных явления, что они диалектически едины в общем процессе развития русского языка, но отнюдь не тождественны друг другу. Таким образом, если не упускать из виду диалектического единства обоих упомянутых процессов, их постоянного взаимодействия в истории языка, то в методическом отношении представляется допустимым и целесообразным рассмотрение их там, где это возможно, по отдельности.

Поскольку понятие отмирания элементов старого качества связано с изменением существующей в данное время структуры языка в целом, то оно может охватывать все области, эту структуру составляющие, — и грамматику, и лексику, и фонетику. Так, постепенное отмирание флективной системы в ходе развития английского языка (явление грамматическое, но имеющее ясный фонетический аспект) связано со способностью английских слов выступать без изменения формы в роли различных частей речи (так называемая «конверсия»), т. е. с явлением лексико-грамматическим; конверсия же в свою очередь обуславливает (наряду с другими факторами) характерные формы словослияния в английском языке, т. е. взаимодействует с процессами, характеризующими жизнь словаря.

Из всего этого сложного и обширного круга вопросов мы выделяем сравнительно узкий участок. Темой настоящей заметки является один из двух взаимосвязанных процессов — процесс отмирания элементов старого качества. Поскольку, однако, производимое, так сказать, «в лабораторном порядке», из методических соображений отделение процесса отмирания элементов старого качества от процесса становления элементов нового качества далеко не всегда возможно, то нам придется рассмотреть и некоторые случаи взаимодействия обоих процессов. В отмирании элемен-

¹ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 28.

тов старого качества нас интересуют прежде всего явления грамматические в собственном смысле слова, т. е., по возможности, освобожденные от своих фонетических и лексических сторон.

2. Основные виды отмирания элементов старого качества в грамматическом строе языка

1. Наиболее ясным видом постепенного отмирания старого качества в грамматическом строе языка является простое выпадение из языка той или иной формы или конструкции. Примером этого в русском языке может служить исчезновение старых глагольных форм времени. Как известно, имперфект, а за ним и аорист начинают вытесняться из языка уже в эпоху создания таких памятников, как «Повесть временных лет» или Суздальская летопись, т. е. в XII—XIII вв., а к XV в. этот процесс можно считать законченным; документы XVI в. дают нам ясные примеры того, что в это время люди уже не понимали форм аориста.

Приведем несколько примеров этого вида отмирания элементов старого качества в западноевропейских языках. Категория рода существительных была четко выражена в древнеанглийском, — она бесследно исчезла в ходе дальнейшей истории этого языка. В своих древних памятниках французский язык знает склонение существительных из двух падежей, а английский — из четырех; как известно, падежные флексии существительных отмерли в процессе развития обоих этих языков.

Отмирать путем простого выпадения могут не только формы или категории, но и определенные синтаксические конструкции, представляющие старое, изживаемое качество данного языка. Так, родительный частичный, широко распространенный в средневерхненемецком, у Гете встречается лишь спорадически, а в современном языке вообще не употребителен. Причастный оборот с именем существительным, стоящим в дат. падеже, заменяющий придаточное предложение (так называемый дательный самостоятельный), нередок в русских летописях; у Радищева он имеет уже характер искусственного архаизма, а в языке XIX—XX вв. не встречается вообще. Примеры такого рода могут быть найдены в истории каждого индоевропейского языка.

2. Вторым путем, которым старое качество может отмирать в языке, является сокращение сферы употребления данной формы. Ясно, что этот случай тесно связан с предыдущим, так как полному исчезновению формы предшествует, как правило, сокращение ее функций. Представляется все же правильным рассматривать его отдельно. Во-первых, потому, что далеко не всякое сужение сферы действия формы неизбежно оканчивается ее отмиранием. Во-вторых, потому, что в силу крайне медленного, эволюционного характера развития грамматического строя процесс сужения функций данной формы может быть настолько длительным, что для наличного состояния структуры языка говорить о завершении его, о полном отмирании формы, нет никаких оснований. Для языка в данном его качестве может быть характерен именно факт сокращения функций определенных его форм, а отнюдь не окончание этого процесса.

Так, общеизвестно, что будущее время глагола как самостоятельная форма сложилось в языках индоевропейской семьи сравнительно недавно. В более древний период оно отчасти не выделялось из имевшихся в языке средств выражения модальности, отчасти же для его обозначения использовались формы настоящего времени, функция которого, таким образом, была шире, чем она есть сейчас. Именно такое положение отмечается в древних памятниках германских и, отчасти, славянских языков. Первый же стих в дошедшем тексте Ульфилы звучит так: *Aþ þan ik in watin izwis daupja*

(*baptizo, βαπτίζω*)...*sah fan izwis daupeir* (*baptizabit, βαπτίσει*) *in ahmin weihamta* (Math. 3, 11). (Ср. ст.-слав.: *Азъ оубо кръштаѣ въ водои въ покаяньѣ, ...тѣ въ кръститѣ доухомъ свАтымь.*) По самому смыслу мы здесь имеем противопоставление настоящего действия будущему, отмеченное в греческом и латинском текстах противопоставлением соответствующих временных форм; в славянском же и готском этот контраст никак не отмечен, и оба действия выражены одной и той же формой настоящего времени. Дальнейшее развитие языков, в частности славянских и германских, шло по линии выработки особого глагольного оборота для выражения объективного будущего. Параллельно и в теснейшей связи со становлением этого нового качества шло отмирание качества старого, выразившееся в данном случае в сокращении функций формы настоящего времени. В то же время ясно, что на этом основании нельзя говорить ни об отмирании настоящего времени, ни о том, что такое отмирание когда-нибудь наступит.

По этому же пути сокращения сферы своего употребления развивается во многих языках сослагательное наклонение. В старшие периоды развития ряда индоевропейских языков его применение было более или менее регулярным и в косвенной речи, и в придаточных временных, относительных, целевых, в косвенном вопросе и т. д., т. е. там, где его употребление сейчас или невозможно, или факультативно. В течение веков произошло сужение области применения конъюнктива (оптатива) и потому многие примеры его употребления, взятые из старых памятников и содержащие предложения с глаголами в сослагательном наклонении, в современном языке возможны только при изменении глагольной формы.

3. Отмирание элементов старого качества в истории индоевропейских языков выражается также в утрате некоторыми формами своего содержания при сохранении в языке самих этих форм. Возникают реликтовые образования, содержание которых отмерло как не соответствующее новому качеству языка.

Наиболее ярким примером этого процесса может служить история категории рода. Как было давно предположено в лингвистике и как это подтверждается данными одного из древнейших индоевропейских языков — хеттского, первоначально имена подразделялись по роду не на три, а на две группы. Сейчас трудно определить основания, по которым эти группы противопоставлялись друг другу. Это могло быть и разделение на одушевленные и неодушевленные предметы, и на активные, с той или иной точки зрения, противопоставленные инертным, и на «разумные» и «неразумные» и т. д. Каковы бы ни были основания этой классификации, пока что не установленные, важно то, что они существовали и были вполне реальны. На заре истории индоевропейских языков говорящие, очевидно, прекрасно понимали, почему, скажем, названия деревьев оформлялись по одному роду, а абстрактные отглагольные имена — по другому. С тех пор категория рода практически утратила свое значение. Вряд ли сейчас говорящий по-русски может объяснить, почему слово *сосна* — женского рода, а *бук* или *дуб* — мужского, почему *тень* — женского рода, а *день* — мужского и т. д. Значение, смысл категории рода — отмерший элемент старого качества. Факт же сохранения самих родовых форм в языке придает этому виду отмирания старого качества особый, очень своеобразный характер.

На основе отмирания элементов старого качества сложились, повидимому, такие общеиндоевропейские явления, как супплетивность падежных форм личного местоимения 1-го лица ед. числа или супплетивность при образовании степеней сравнения некоторых прилагательных и наречий. Возникновение супплетивных рядов, согласно наиболее вероятной гипотезе, происходит следующим образом. *Хорошо* и *лучше* или *я* и *меня* воспринимались

на ранних этапах развития языка не как грамматические разновидности одного понятия, а как совершенно отличные друг от друга, в принципе разные качества (*хороший — лучший*) или разные лица (*я — меня*). Использование для их обозначения слов, построенных от различных корней, имело поэтому определенный, ясный каждому говорящему смысл. С дальнейшим же развитием языка и мышления люди поняли, что о д н о качество может иметь р а з н ы е степени интенсивности, что о д и н человек может выступать в р а з н ы х отношениях к глагольному действию. *Хорошо и лучше, я и меня* стали восприниматься как грамматические разновидности одного явления, т. е. как члены грамматически однородного ряда форм, аналогичные, например, с *умно — умнее, красно — краснее* или *стол — стола, земля — землю* и т. д. Но при таком положении супплетивность указанных рядов утратила свои жизненные основания. Реликтовая форма не скрывает больше никакого реального содержания, которое и явилось в данном случае отмершим элементом старого качества.

4. Одним из наиболее сложных видов отмирания элементов старого качества является такой тип развития, при котором не только исконное содержание данной формы отмирает, не только сама эта форма сохраняется в языке, как было в предыдущем случае, но сохранившаяся форма наполняется новым содержанием. Трудность этого случая заключается в том, что здесь мы больше не имеем дела с процессом отмирания старого качества как таковым и сталкиваемся с диалектическим переплетением обоих процессов — отмирания старого и становления нового, во всей их подлинной сложности. Не приходится говорить, что этот тип развития — несравненно более живой и распространенный, чем рассматривавшиеся нами до сих пор довольно элементарные случаи «чистого» отмирания старого качества.

Рассмотрим для начала две современные русские формы — частицу сослагательного наклонения *бы* и частицу-глагол *было*, служащую при глаголах совершенного вида (в прошедшем времени) для выражения начавшегося, но неожиданно прерванного действия (ср. *он, было, открыл рот, но тут же замолчал*). Каждое из них имеет свою функцию в современном языке, свое определенное содержание. История данных форм показывает, однако, что это теперешнее их содержание является вторичным, что некогда им было присуще другое содержание, другие функции, отмершие как элемент старого языкового качества.

Модальное *бы*, например, представляет собой окаменевшее 2—3-е лицо ед. числа от глагола *быть*, и прежде выражавшее сослагательное наклонение, но не само по себе, а в сочетании с согласуемым причастием на -л определенного глагола: *он бы пошел, но я бых пошел, вы бысте пошли* и т. д. *Бы*, таким образом, сохранило свою форму и отчасти даже сферу своего употребления, но из глагола стало частицей, из личной формы — нейтральным в отношении лица показателем модальности.

Сходный процесс пережила и частица-глагол *было*. Изначально это — особого происхождения согласуемый вспомогательный элемент при образовании давно прошедшего времени: *...И к тебе, государю, мы, нищие богомольцы, из Ярославля поехали были, и, недоедав, государь, до Ростова, стретили нас Иван Иванович Волинский да пан Петр Головин, и по твоему государеву слову нас воротили*². Постепенно давнопрошедшее время отмерло, а вместе с ним и исконное значение элемента *было*, форма же эта, сохранившись в том же виде, если не считать утраты способности

² Письмо архимандрита ярославского Спасского монастыря Феофила гетману Яну Сапеге, 1609 г. — Цит. у Л. А. Булаховского (см. его «Исторический комментарий к русскому литературному языку», Киев, 1950, стр. 221).

к согласованию, наполнилась новым содержанием и стала употребляться для выражения несостоявшегося действия.

Другой хорошей иллюстрацией этого же вида отмирания элементов старого качества может служить эволюция оборотов, употреблявшихся для выражения будущего времени. Нам уже приходилось упоминать об изначальной передаче будущего действия с помощью модальных (иногда видовых) конструкций. Русское *буду*, в древнейших памятниках вообще не встречающееся, употребляется в старом языке для выражения будущего времени наряду — и практически синонимично — с такими вспомогательными глаголами, как *иму*, *хочю*, *начьну*, *стану*, т. е. глаголами явно модальными или видовыми. Общеизвестно изначальное модальное значение английских *shall* (< *sculan* «долженствовать») и *will* (< *willan* «хотеть»), служащих сейчас в сочетании с инфинитивом для образования вполне объективного будущего. Свидетельствуемый у классических латинских авторов модальный оборот *habeo* + инфинитив глагола (ср. русск. *иму*, чеш. *jmam* с инфинитивом в том же значении) в поздней народной латыни становится средством выражения объективного будущего. Каков путь, проделанный всеми этими оборотами? При сохранении внешней формы они все утрачивают свой модальный смысл и приобретают новое значение показателей объективного будущего.

3. Особый вид отмирания элементов старого качества

Развитие того или иного явления в истории языка не всегда протекает в виде непрерывного процесса. Бывают случаи, когда определенный языковой факт, отмерший, исчезнувший из языка в связи с постепенной перестройкой его структуры, вновь появляется много столетий спустя и в новом грамматическом окружении, в условиях изменившейся структуры переживает как бы вторую расцвет. Вульгарная латынь, например, и романские языки с самых ранних периодов своего развития характеризуются тенденцией к замене флективных форм времени глагола описательными, в частности, со вспомогательным глаголом *быть*. Эта тенденция противостоит ярко выраженной флективности глагола в памятниках архаической и классической латыни. Между тем, реконструируя сравнительно-историческим путем древнейшее, предшествующее памятникам состояние латинского языка, мы убеждаемся в том, что в ту отдаленную эпоху ему было присуще то же тяготение к описательным формам, которое мы отмечаем для романских языков. Так, имперфект на *-bā* и простое будущее на *-bo* возникли из комбинации чистой глагольной основы, выступавшей в роли своего рода глагольного имени, и вспомогательного элемента, связанного с корнем **bhewə*/**bhū* «быть».

Этот вид языковой эволюции внутренне диалектичен. Несмотря на сам факт «возрождения» формы, мы здесь не имеем никакого циклизма, никакого сведения языкового развития к круговращению одних и тех же отмирающих и возрождающихся форм. При ближайшем рассмотрении оказывается, что «возрождение» формы не означает возвращения ее в язык в том виде и в той роли, которые были ей присущи в период первоначального ее использования. «Пряжде созданное в языке, — говорит А. Потебня, — двояко служит основанием новому: частью оно перестраивается заново при других условиях и по другому началу, частью же изменяет свой вид и значение в целом единственно от присутствия нового»³. Каждый языковой факт имеет не какое-то, раз навсегда данное значение, а то, которое оказывается органичным в данной языковой структуре, и архаические формы

³ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, II, Харьков, 1874, стр. 1.

или обороты, попадая в язык, приобретают в нем новое значение «единственно от присутствия нового». Аналитизм глагольных форм в романских языках не тот же аналитизм, что в доисторическом латинском глаголе; бессвязочное предложение в современном русском языке отлично по своему внутреннему содержанию от безглагольного предложения в санскрите и т. д.

В древних индоевропейских языках имелся ряд глаголов, которые были как бы безразличны в отношении переходности; они могли выражать и переходное действие, и непереходное. Таковы греческие глаголы εἶχω «иметь» и «находиться в каком-либо состоянии» (ср. лат. *habeo* с теми же значениями), ἐλάωю «гоню» и «еду», ὀρέω «побуждаю» и «двигаюсь», τελευτάω «кончаю» и «умираю» и т. д.; латинские — *veho* «везу», «веду» и «меня ведут», «я еду», *moveo* «двигаю», «привожу в движение» и «двигаюсь», *doleo* «горюю» и «оплакиваю» и т. д. Такие глаголы встречаются и в современном русском языке; мы говорим, например, *свернуть чертеж в трубку* и *свернуть в переулок*. Это безразличие в отношении переходности, бывшее характерной, хотя и не универсальной⁴ чертой глагольной системы древних индоевропейских языков, как известно, отмерло в ходе дальнейшого развития нашей языковой семьи.

Однако в некоторых современных языках, в частности в английском и французском, мы наблюдаем процесс, который внешне выглядит как возвращение к этой изжитой черте греческого, ведического, латинского глагола. Во французском языке переходный глагол может почти всегда строиться непереходно либо путем придания ему этимологически и семантически близкого объекта (*dormir son sommeil, pleurer ses larmes, aller son train, peiner sa peine* и т. д.; образцы такой конструкции встречаются уже в старофранцузском — *li veneor lor cors cornant* — Ren. 5497), либо путем сообщения ему каузативного значения (*rentrer le foin, descendre des machines dans des mines, sortir le pain de l'armoire; ses aventures l'ont vieilli; cette robe la grossit* и т. д.).

В английском языке, во-первых, существует несколько глаголов, уже в средне- и новоанглийский период развивших у себя переходное и непереходное значения (*to boil, to burn, to open*). Во-вторых, ряд глаголов начал развиваться в том же направлении сравнительно недавно, и в них этот процесс еще не завершен; таковы *to sell, to cut, to read* и т. д. Наконец, самой важной в этом плане является тенденция современного английского языка к употреблению каузативов в качестве непереходных глаголов и обратно — непереходных в роли каузативов. Так, *to stop* может означать «останавливаться» и «останавливать», *to hide* — «прятаться» и «прятать», *to wash* — «мыть» и «мыться», *to walk* — «гулять» и «водить на прогулку» и т. д.

Внешнее совпадение между поведением в отношении переходности древнегреческого или латинского глагола, с одной стороны, и современного французского или английского глагола, с другой — налицо. Означает ли это, что безразличие древнеиндоевропейских глаголов в отношении переходности не принадлежит к элементам отмершего качества, что оно вернулось в язык, что французский повторяет греческий? Конечно, нет. Между «нейтральностью» глагола в древних и новых языках есть принципиальная разница, обусловленная различием тех языковых структур, в которых эта «нейтральность» проявляется.

Отмеченная способность греческих и латинских глаголов объясняется скорей всего следующим образом. Сравнительно-историческое изучение языков позволяет утверждать, что в некоторую весьма отдаленную эпоху

⁴ Ср., впрочем, мнение А. Мейе (см. его «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков», русский перевод, М.—Л., 1938, стр. 213).

глагол этих языков не обладал двумя рядами окончаний — активными для выражения действия в собственном смысле слова и медиальными — для выражения состояния. Между тем потребность в противопоставлении активно-переходного и медиально-непереходного значений одного и того же корня уже существовала, и для удовлетворения ее использовались различные лексические средства при сохранении самим глаголом своей формы в обоих случаях. В дальнейшем язык выработал формальные приемы такой дифференциации, и лишь определенная группа глаголов сохранилась в старом состоянии. Разбираемая способность греческого и латинского глаголов есть, таким образом, проявление недифференцированности, имевшей место в древнейшем состоянии индоевропейских языков, и связана она с архаическими чертами индоевропейского языкового строя.

Тенденция же к безразличию в отношении переходности современного французского или английского глагола имеет совершенно иные корни и проявляется в совершенно иной языковой среде. Разложение флективной системы, связанный с ним рост конверсионной способности слова, общая тенденция не сопровождать изменение синтаксической позиции слова соответствующими формальными изменениями — вот те черты, сложившиеся сравнительно недавно и, продолжаясь складываться в наше время, которые лежат в основе «нейтральности» английского или французского глагола. Как видим, безразличие в отношении переходности ряда греческих и латинских глаголов отмерло в свое время как черта архаическая, не соответствовавшая новым потребностям языкового развития; появление же сходной тенденции в некоторых новых языках не означает никакого «возрождения» отмершего языкового качества, оно только придает этому виду отмирания элементов старого качества особый характер. С точки зрения методической, из анализа данного типа языкового развития можно сделать вывод о необходимости изучения определенного языкового факта не только по линии связей его с другими сходными явлениями в другие эпохи и в других языках, но и по линии возможно более полного определения его места в данном языке, в данный период его развития.

Другой разновидностью того же особого типа отмирания элементов старого качества, отличающейся от первой, только что разобранной, не принципиально, а технически, является такой род языкового развития, при котором между первым и вторым использованием формы лежит не период полного ее выпадения, а период ослабленного ее использования. Форма, таким образом, живет и используется все время, но более интенсивно в древнейшем и в новом ее состоянии и менее интенсивно в средний период. Наиболее ясным примером такого развития является история категории вида.

Категория вида, как известно, предшествует категории времени в истории индоевропейского глагола. Противопоставление трех разновидностей корня одного и того же глагола — презентной, перфектной и аористной — означало первоначально противопоставление трех видов действия — длительного, состояния, возникающего в результате данного действия, и недлительного. Основным средством выражения этого вида было чередование корня по ступеням аблаута (наиболее наглядно в форме *e-o*-ноль, ср. греч. *δέω-ορα* «смотрю», *δέ-δωκ-α* «вижу», *ξ-εραχ-ου* «увидел»). В ходе дальнейшего развития индоевропейских языков категория вида стала все больше отступать на задний план перед развивающейся системой времен. В классическом греческом языке или в засвидетельствованном в памятниках древнерусском мы наблюдаем вместо былого безраздельного господства вида преобладание категории времени, более или менее осложненной видовыми значениями. Постепенно, однако, в этих языках начался процесс утраты многочисленных времен, шедший параллельно

с приобретением видами все большего и большего значения. Роль этой последней категории в новогреческом языке больше, чем в древнегреческом, в современном русском — больше, чем в древнерусском.

Имеем мы здесь дело с отмиранием старого качества или с простым колебанием в употребительности формы? Несомненно, первое. Старый индоевропейский вид — отнюдь не то же самое, что вид, скажем, в современном русском языке. Основанный на чередовании звуков корня, распространенный в эпоху, когда язык не знал категории времени, индоевропейский вид представлял собой один из примитивных способов дифференциации значений глаголов. Этот вид был органичен в древнейшей индоевропейской языковой структуре, но он должен был отмереть по мере перехода языка к более высокой ступени развития. Напротив, современный русский вид, основанный на способности глагольного корня присоединять префиксы, обрастая дополнительными грамматическими и лексическими значениями, тесно взаимодействующий с категорией времени, органичен в сложнейшей, разносторонне развитой системе современного русского языка. Ясно, что при изучении вида современного русского глагола нужно, конечно, учитывать и первоначальную примитивную форму категории, но основным для ее понимания является ее положение в системе современного русского языка.

История индоевропейских языков даст немало примеров подобного развития, идущего через отмирание (или снижение употребительности) формы при последующем ее возвращении в язык (или оживлении ее употребительности) с насыщением ее в этот второй период ее существования новым содержанием. Анализ явлений, проделавших такой путь, показывает нам совершенно ясно, что изучение того или иного языкового факта приводит к его раскрытию только в том случае, если мы не ограничиваемся установлением его исторических прототипов, но и обращаем внимание на его роль и положение в данном языке и в данное время. Этот методический принцип, необходимость приложения которого здесь выступит особенно наглядно, вообще помогает раскрыть многое в языке, даже в таких явлениях, развитие которых идет ровно, без перерывов в употребительности формы. Скажем, сочетание глагольной формы на *-л* непосредственно с субъектом действия, обозначенного основой этой формы, встречается в русском языке на всем протяжении его истории. Фраза из древнейшей русской надписи (1068 г.) *Гльбъ кн Азь мърилъ м по леду* внешне ничем не отличается в структурном отношении от современной: *Глеб князь мерил море по льду*. Между тем в первом случае мы имеем перфект, состоящий из причастия на *-л* и опущенной связки, а во втором — личную форму глагола в прошедшем времени несовершенного вида. В данном примере вполне очевидно, что причастие на *-л*, в частности в бессвязочном его употреблении, отмерло много веков назад, что оно было связано с определенной изжитой ступенью в развитии русского языка и что современное прошедшее время на *-л* должно рассматриваться в системе современного личного глагола, а не древнего причастия. Между тем во многих случаях, по сути дела мало чем отличающихся от данного, традиционное рассмотрение строится на прототипе формы, а не на ее реальном значении.

Так, во французских грамматиках исключительно живой и все больше распространяющийся оборот типа *tour Eiffel, maison Duval* и т. д. объясняется как генитивный с неупотребленным предлогом *de* на том основании, что сходная конструкция была в латыни и в старофранцузском, хотя в современном языке он скорее связывается со словообразованием типа *bateau-mouche, timbre-poste*, чем с представлением о падеже. Так, в современных пособиях по английскому языку формы *should* и *would* рассматриваются как прошедшее время соответственно от *shall* и *will*, что основано

всецело на истории вопроса и игнорирует современное употребление этих форм, согласно которому разница между ними в основном не временная, а модальная. Так, в основе наименования в немецкой грамматике оборотов типа *fliegendes Haars laufen, folgender Maßen reden* и т. п. абсолютными лежит то же перенесение древнего значения формы в современность. Такое объяснение указанных явлений мало чем отличается от признания современных русских *ходил, играл, писал* причастиями. Это механическое перенесение исторического значения формы на ее современное состояние основано на том, что недостаточно учитываются типы и пути отмирания элементов старого качества в грамматическом строе языка, их сложность, их диалектическая связь со становлением нового качества, их роль в развитии языка.
